

Навстречу горьковскому юбилею

Если многочисленные инсценировки «Фомы Гордеева», сделанные Яновым, Евдокимовым, Бурд-Восходовым и другими «передельщиками», не встречали никаких препятствий к сценическому воплощению, то оригинальной драматургии М. Горького цензура и власти устраивали всевозможные рогатки и препоны. Поставить «Мещан» или «На дне» стоило огромных трудностей и хлопот. Большую роль играли здесь также положение антрепренера, его авторитет в артистическом мире, энергия и настойчивость. Некоторыми этими качествами руководитель труппы нижегородского Николаевского театра Д. И. Басманов уступал своим более маститым коллегам. Поэтому местные зрители с завистью читали сообщения «Нижегородского листка», «Волгаря» и столичных газет о постановках «Мещан» в Московском Художественном театре, в Ростове, Киеве, Одессе, Ярославле, Саратове. К осени 1902 г. «Мещане» были уже поставлены за границей (Берлин, Вена, Прага, Краков), но землякам Горького все еще не удавалось увидеть их на родине писателя.

Царская администрация чинила произвол в отношении запрета и разрешения постановки пьес Горького. В печать давались противоречивые сведения: то сообщалось, что пьеса разрешена одному Художественному театру, то писалось, что она разрешена и провинциальным театрам, но при ходатайстве Русского театрального общества. Все это сбивало с толку руководителей трупп, отбивало у них охоту ставить пьесы Горького. Но не таков был Д. И. Басманов, который сыграл важную роль в пропаганде горьковской драматургии на русской сцене. Возглавив городской театр в Нижнем Новгороде в сезон 1902—1903 гг., он заявил представителям печати, что в репертуар включены «Мещане» и «На дне», а сам начал бороться за их разрешение.

Телеграфный язык газетной хроники оповещал читателей об одержанных победах театра в битве за Горького:

«На просьбу антрепренера Николаевского городского театра Д. И. Басманова, посланную по телеграфу председателю Русского театрального общества г. Молчанову об исходатайствовании разрешения на постановку в Н.-Новгороде «Мещан» М. Горького, получена телеграмма с извещением, что будут приняты меры к исполнению означенной просьбы» («Нижегородский листок», 1902, 20 октября).

«Со вчерашнего дня в городском театре начались репетиции «Мещан» М. Горького. Пьеса пойдет недели через полто-

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА

«МЕЩАН»

В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

ры. Предполагается обратиться к М. Горькому с просьбой дать указания относительно постановки» (там же, 20 ноября).

«Насколько велик интерес к «Мещанам», видно из того, что в театральной кассе то и дело спрашивают билеты на эту пьесу. Но пока продажа билетов на «Мещан» еще не открылась» (22 ноября):

«Мещане» М. Горького будут поставлены в городском театре во вторник, 26 ноября» (23 ноября).

«Вчера после первого акта в кассе городского театра началась продажа билетов на «Мещан» М. Горького. Тотчас перед кассой образовалась длинная вереница публики и, несмотря на повышенные цены, почти все места амфитеатра были раскуплены. В предупреждение барышничества кассиршей продавалось одному лицу не более 2—3 билетов» (25 ноября).

«Вчера места в амфитеатре на «Мещан» М. Горького были с утра все распроданы. Очень немного осталось мест и в партере» (26 ноября). И здесь же историческое для нижегородского театра объявление на 1-й странице:

ГОРОДСКОЙ НИКОЛАЕВСКИЙ ТЕАТР
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРУППА ПОД УПРАВЛЕНИЕМ
Д. И. БАСМАНОВА
ВО ВТОРНИК, 26 НОЯБРЯ,
В ПЕРВЫЙ РАЗ НА ЗДЕШНЕЙ СЦЕНЕ
«М Е Щ А Н Е»

СЦЕНЫ В ДОМЕ БЕССЕМЕНОВА В 4-Х АКТАХ,
СОЧ. М. ГОРЬКОГО»

Спектакль прошел успешно. Дирекция сделала «совершенно полный сбор». Первая встреча нижегородцев с драматургией своего гениального земляка состоялась.

Как же был сыгран этот спектакль? Оказалось ли исполнение достойным литературного оригинала? К сожалению, на этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Главный недостаток первого воплощения «Мещан» на нижегородской (да и не только на нижегородской) сцене заключался в том, что актеры играли Горького по-старому, не усвоили новаторского характера его драматургии. Играли так, как играли «Детей Ванюшина» и другие пьесы. Д. Басманов любил Горького, много сделал для пропаганды его драматургии, но и он не понимал, что старыми ключами нельзя по-настоящему открыть «Мещан» или «На дне». Взяв себе роль Нила, Басманов не задумался над социальной природой этого свежего в русской и мировой литературе образа. Его Нил совершенно не носил следов своей профессии, отпечатки среды, в нем трудно было узнать рабочего человека. Басманов оставался на сцене Басмановым, «барином», интеллигентом, а не машинистом. Нил у Басманова «вышел половинчатым и неясным» (безымянная рецензия на спектакль в «Нижегородском листке», 28 ноября 1902 г.).

Актеру тем более следовало подчеркнуть классовую природу горьковского героя, что в антрактах спектакля вокруг личности Нила разгорелись ожесточенные споры. Одним Нил представлялся «зарей будущего», другие в оболочке рабочего умудрялись увидеть «будущего типичного буржуа». Если сейчас каждый школьник понимает социальную природу нового героя Горького, то русские зрители, артисты, критики в начале века не видели в Ниле того, что видел своим прозорливым оком буревестник революции, основоположник литературы социалистического реализма.

Очень характерно, что и Поля — самый близкий Нилу человек — также не была понята артисткой Е. Н. Чарусской. Наблюдательный рецензент отметил, что «Чарусская играла Полю с каким-то, если можно так выразиться, недоумением; она решительно не знала, какую ей быть, как ей держаться». А отсюда — изображение горьковской героини в привычных традициях: «Самая ее внешность совсем неожиданно украсила образ, Чарусская украсила этот парик... «какими-то декадентскими кочками!» М. Горький и декаданс! Совершенно неприемлемое сочетание, результат абсолютного непонимания горьковской драматургии. Актеры еще только нащупывали пути к сценическому ее воплощению, и ошибки были вполне естественны.

Не понимали артисты старой школы всего значения слова в пьесах Горького, несущего огромную смысловую нагрузку. Это особенно сказалось на исполнении роли Тетерева способным артистом С. Ф. Подем. «Гробовой», глухой голос, нечеткая дикция «смазывали» для зрителя звучание многих важных фраз. Другие исполнители также недооценили значение и роль слова в пьесе Горького.

Традиционно играл Я. А. Войталовский Василия Васильевича Бессеменова: «злодейское выражение глаз», неясная дикция, проглоченные артистом, а потому пропавшие для зрительского слуха фразы совершенно исказили образ Бессеменов превратился в типичного отца-изверга, который часто встречался в ремесленных драмах.

Уж на что прекрасным языком наделил Алексей Маскимович Перчихина. Недаром немецкая критика приравнивала этот образ к лучшим созданиям Шекспира. Но артист П. А. Попов-Волховской, подобно Войталовскому, «проглотил» половину золотых фраз Перчихина, а самого птичника превратил в заурядного пьянчужку.

Естественно, правдиво, просто, а потому и хорошо играли в этом спектакле Антонелли (Цветаева), В. П. Николаев (Петр) и особенно Е. Н. Миртова (Татьяна). На фоне их исполнения особенно невыгодно выделялась В. Н. Ильнарская, которая в замечательную роль Елены Кривцовой внесла «претензию, рисковку» и испортила впечатление.

А. ИВАНОВ.